

63.3(2)5-8

А67

СА-395289

ИЕЗУИТСКИЙ КРЕСТ ВЕЛИКОГО ПЕТРА

ЛЕВ
АНИСОВ

ЛЕВ
АНИСОВ

ИЕЗУИТСКИЙ КРЕСТ ВЕЛИКОГО ПЕТРА

са-395289

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2022

Государственное бюджетное
учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга писалась на протяжении пятнадцати лет. Ее задача — показать тайные силы и скрытые пружины той борьбы за власть, которая велась в России на протяжении первой половины XVIII века.

Всегда немного трудно начинать рассказ свой о том или ином событии, заинтересовавшем тебя. Мыслей много, не знаешь, на которой из них остановиться, с какой начать. Все важными кажутся, каждую боишься упустить. Действительно, начать ли повесть свою об одном из важнейших событий царствования Петра Великого с рассказа о Немецкой слободе, сыгравшей большую роль в становлении личности этого человека, или повести начало с Патрика Гордона, генерала-иезуита, за которым много темного находили современники, а может быть, с родственника его Лефорта или Менезия — первого иностранца, приближенного к Петру Первому отцом его царем Алексеем Михайловичем? Или с того начать, как пробудился интерес к этому событию. Тоже ведь не простая вещь. Помнится, с детских лет Петр Великий был моим кумиром, и образ его, созданный великолепной игрой Николая Симонова, был на многие годы главенствующим в моем представлении, как и облик царевича — жалкого, трусливого, недалекого, — такого, каким видел его режиссер фильма и актер Николай Черкасов, замечательно сыгравший эту роль.

63.8215-3
864

С чего проснулся интерес? Скорее всего, случайно. Да-да, как ни странно, именно так. Собирая материалы к биографии нашего выдающегося русского живописца И. И. Шишкина, изучая круг людей, его окружавших, однажды я добрался и до художника Н. Н. Ге. Известна мне была, как, впрочем, и многим из нас, с детства картина его «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе». Все мне было ясно: и сюжет, и композиция. Неясно было одно: из головы у меня не шла заметка, не знаю где прочитанная, что автор погрешил против истины и написал место действия неверным. Где читал заметку, я не мог вспомнить, но в памяти эта информация хранилась, и, прежде чем идти дальше, надо было найти источник. Как же описывать реальное, не зная истины. Я принялся искать источник. Но он, увы, не находился. А ведь был он, было сообщение, что автор шел от лукавого и летний дворец никак не мог быть местом допроса, да и сам допрос не был таким безвинным, как изображен на картине. Царевича пытали, били плетью. Где же об этом написано? И здесь я взялся ругать себя за то, что положился на память, обычно не подводившую меня и подводившую на сей раз. Я решил доискаться до истины, а пока у меня под руками была статья критика В. Стасова, в которой читал нечто близкое к тому, что я искал.

«Картина г. Ге представляет сцену из жизни Петра: он допрашивает в Петергофе, в маленьком дворце своем Монпле-зир, сына своего, царевича Алексея, вороченного из бегства его в Австрию и Неаполь. Грозный царь, уже начинающий сесть, сидит у стола, на котором лежат письма, уличающие царевича в его интригах и изменнических сношениях. Перед ним стоит сын его, притворно или искренне кающийся, — длинный и тощий, настоящая фигура тупого, узкоголового дьячка, — несмотря на его черный бархатный наряд. Отец и сын одни, — никого больше в этой низкой комнате... Но какая драма тут совершается! Точно две крайние противоположности людские сошлись с разных концов мира. Один — это сама энергия, непреклонная и могучая воля, великан-красавец в преображенском кафтане и высоких военных

сапогах — весь волнующийся и поворотивший свою чудесную, разгоревшуюся голову к этому сыну, этому неразумному, этому врагу, вздумавшему стать ему на дороге. Гнев, упрек, презрение — все тут горит во взгляде у него, и под этим взглядом словно поникла и упала бесцветная голова молодого преступника, не смеющего глядеть прямо на грозного судию. Он ничтожен, он презренен, он гадок в своей бледности и старообрядческой трусости». (К слову, облик царевича — жалкого и ничтожного — таковым трактуется и до нынешних времен. Приведу как образец характеристику, даваемую критиком Э. Гомберг-Вержбинской: «...в уютном зале маленького петергофского дворца Монплезир Петр один на один вел допрос своего сына и наследника, ставшего его врагом и предателем родины. Множество чувств боролось в душе Петра, но гнев уже уступил место горечи и презрению к этому безвольному, уклончивому трусу, не смеющему даже поднять глаза».) Но дальше у В. Стасова: «Возвратимся, однако же, еще раз к картине г. Ге. Мы старались высказать, как она кажется нам важна и примечательна, как много мы видим в ней таланта и успеха. Но, тем не менее, мы считали бы неуместным, если б умолчали здесь о том, с чем не можем согласиться в этой картине и что в ней кажется нам, до некоторой степени, неудовлетворительным.

Это — самый взгляд художника на его сюжет, на его задачу. Нам кажется, что г. Ге посмотрел на отношение Петра к его сыну — только глазами первого, а этого еще мало. Есть еще взгляд истории, есть взгляд потомства, который должен и может быть справедлив и которого не должны подкупить никакие ореолы, никакие слова. Что Петр I был великий, гениальный человек — в этом никто не сомневается; но это еще не резон, чтобы варварски, деспотически поступать с собственным сыном и, наконец, чтоб велеть задушить его, после пыток, подушками в каземате (как рассказывает г. Устрялов в своем VI томе). Царевич Алексей был ничтожный, ограниченный человек, охотник до всего старинного, невожатый, не понимающий великих зачинаний своего отца и, может быть, старавшийся по-своему противодействовать

I

В сочинении М. П. Погодина «Суд над царевичем....» читаю: «Суд над царевичем Алексеем Петровичем есть такое происшествие, которое имеет... великое значение в Русской истории. Это граница, между древнею и новою Россиею, граница, орошенная кровию сына, которую пролил отец. Оно должно быть тщательно исследуемо до мельчайших подробностей, и честь времени, когда можно о таком важном вопросе говорить искренно и свободно, предлагать свои мысли без малейших опасений...» Что-то недосказанное чувствуется за его словами. Намек на что-то. На что? Впрочем, не у него одного. В лекциях В. О. Ключевского («Курс русской истории») как-то мимоходом говорится об этом событии. Вроде бы его и не было. Или же (создается такое впечатление) историк должен, прямо-таки обязан обойти молчанием этот факт, словно кто-то или что-то, обстоятельства какие-то заставляют его (а уж знал-то он, видимо, немало) умалчивать этот факт. Почему? Что за тайна? С. М. Соловьев в главе «Истории России...», посвященной царевичу Алексею, с явным сочувствием относится к нему, пишет много, приводит документы, и все же остается впечатление, что и он недоговаривает чего-то, знает и недоговаривает, молчит. Чувствуется, случилось что-то такое, что возмутило его как человека, едва он узнал об этом, но, как историк и человек осторожный, он вынужден лишь намекнуть читателю об узнанном своим впечатлением, чувством, выразившим-

ся в симпатии к убитому молодому человеку. Листаю книги, посвященные времени Петра, писанные Н. Полевым, А. Г. Брикнером, К. Валишевским, Н. И. Костомаровым, — у этих авторов все ясно — трактовка, привычная мне со школьных лет: Петр — преобразователь, Алексей — человек косный, убогий, и его надо было убрать с дороги. Но вот ведь возникала какая мысль — Алексей отказывался от престола, он даже присягнул добровольно новому престолонаследнику — своему сводному брату (сыну Екатерины I); казалось бы, все препятствия сметены, можно отправить его в монастырь, загнать в яму, наконец (и такое бывало в русской истории), но ведь чего-то боялся Петр или кто-то еще. Чего? Да и чего, казалось бы, бояться, если немощный и «узколобый» убран с пути. Для чего убивать его? Непонятное становится понятным, когда вдруг приходит мысль: а таким ли уж слабовольным и ограниченным был этот человек? Ведь убивают чаще всего сильных соперников. И потом, мог бы ведь царевич и притвориться, потакать отцу, войти в доверие к нему и жить до поры до времени, действуя так, как того хотелось отцу, а после кончины последнего проводить в жизнь свое (как то не однажды видишь в истории). Но нет же, не хитрил он. Что же, выходит, не хотел он притворяться, а жил сообразно своим мыслям? Выходит, правдивым жил? Да вот еще и любопытное замечание у А. С. Пушкина: «Царевич был обожаем народом, который видел в нем будущего восстановителя старины. Оппозиция вся (даже сам кн. Яков Долгорукий) была на его стороне. Духовенство, гонимое протестантом царем, обращало на него все свои надежды. Петр ненавидел сына, как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания».

И не глуп он был. «Бог разума тебя не лишил», — писал ему Петр. Учитель царевича Гюйссен в своем отчете государю отмечал, что Алексей «разумен далеко выше возраста своего». Царевич производил благоприятное впечатление на окружающих. Тому свидетельство письмо

английского посланника в России Витворта, отправленное из Москвы 28 февраля 1705 года: «22-го вечером любимец царский Александр Данилович выехал отсюда на почтовых в Смоленск. В день своего отъезда он пригласил меня к обеду, при чем я имел честь приветствовать сына и наследника царского, Алексея Петровича, высокого, красивого царевича лет шестнадцати, который отлично говорит на голландском языке и присутствовал на обеде...»

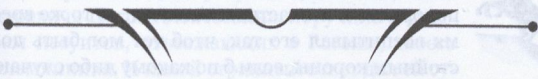
Царевич знал латынь, голландский, французский и немецкий языки. Был большим любителем книг и чтения. Кроме богословия, серьезно занимался историей, филологией, покупал книги по военному делу, математике, то есть по тем предметам, которые изучал. Имел крупную для своего времени библиотеку.

Царевич «пополнял свое образование за границей, — пишет С. П. Луппов, — совершенствуя свои знания в области иностранных языков и изучая геометрию, фортификацию и другие науки. Ко всему этому Алексей Петрович не относился формально. Он несомненно высоко ценил просвещение: во время пребывания за границей не упускал случая осмотреть достопримечательности; в большом количестве и на значительные суммы покупал книги как религиозного, так и светского содержания; проявлял большую заботу о сохранности своей библиотеки в Преображенском».

О его рассудительности и уме свидетельствуют донесения отцу, написанные самим Алексеем Петровичем во время управления Москвою и при исполнении разных поручений.

Известно, что Петр, испытывая определенное влияние идеологов прусской абсолютной монархии, рекомендовал царевичу Алексею в качестве учебного пособия по истории сочинения Пуффендорфа.

«Он заботился о книгах, делал выписки даже во время болезни, в Карлсбаде, просил о доставлении книг и выписывал, любопытствовал осматривать разные достоприме-

I

Советник курфюрста саксонского и короля польского Иоанн Лефорт, хорошо знавший жизнь русского двора и бывший своим человеком во многих именитых домах Петербурга, 15 декабря¹ 1723 года сообщал в одной из реляций: «Я знаю из верных источников, что здоровье царя (Петра I. — Л. А.) вовсе не так хорошо, как оно кажется. Характер его все более и более меняется, постоянно задумчивый, даже меланхолический, очень мало занят чтением и совсем не бывает в адмиралтействе. Он ищет уединения, так что остерегаются говорить с ним о делах. Только священник, его доктор и еще несколько шутов могут входить к нему, другим же никому не позволено, когда он в мрачном настроении духа. Есть люди, которые сомневаются в назначенной коронации (его второй супруги. — Л. А.). Замечают, что царь оказывает больше привязанности к сыну царевича, чем прежде. Я боюсь, чтобы не было какого волнения».

Словно какие-то глубокие сомнения охватывали государя.

Замечали, он говеет усерднее обыкновенного, с раскаянием, коленопреклонением и многими земными поклонами. Голштинский посланник Бассевич, человек опытный, умный, в сущности, руководивший внешней политикой Голштинии, с настороженностью подмечал, что Петр I,

¹ Даты даны по старому стилю.

делая все «для удаления от престола сына непокорного и несчастного Алексея... в то же время воспитывал его так, чтоб тот мог быть достойным короны, если б по какому либо случаю она досталась ему в удел».

Уже более двух лет рота из 40 гренадеров, отроков из дворянских фамилий, для развития во внуке Петра I вкуса к военному делу, занимала караул в его покоях и вместе с ним упражнялась в военных экзерцициях.

Чутко улавливая настроение своего царственного супруга, Екатерина Алексеевна оказывала мальчику-царевичу самое тщательное внимание. День его рождения праздновала с пышностью. Она зорко следила за происходящим. А следить было за чем.

Незадолго до коронации Екатерины Алексеевны, а именно 4 мая 1724 года, Лефортов извещал о следующем: «...Царица пригласила герцога Голштинского водить ее под руку в день коронации. Он отвечал, что сочтет это за большую честь, если только царица позволит ему быть на правах будущего зятя, но не как подданного. Она согласилась на это. Несколько недель тому назад, его Преосвященство архиепископ новгородский, большой сторонник Царицы, хотел склонить Царя на статью о престолонаследии и в то же время хотел внушить ему мысль о назначении наследником герцога Голштинского. Царь сильно рассердился за советы по такому щекотливому делу... и обошелся с ним очень грубо. Он был в немилости несколько дней, теперь же, говорят, его послал в Петербург за сыном царевича (об чем... однако, мне ничего не известно в Петербурге), которого царь хочет назначить наследником. Все будут довольны, если так будет!»

Во внуке Петра Первого видели возможного наследника престола.

И не потому ли зоркие католики поспешили направить в 1724 году в Россию францисканца Петра Хризологуса и подкрепили тайное посольство его несколькими иезуитами.

I

В один из сентябрьских солнечных дней 1739 года из Версаля в сопровождении многочисленной свиты выехал в Россию маркиз де ла Шетарди, назначенный послом при петербургском дворе.

Франция, после длительной размолвки, возобновляла дипломатические отношения с северным соседом.

В продолжение многих лет царствования императрицы Анны Иоанновны Россия держала сторону Австрии, первой тогда неприятельницы версальского двора. Именно Россия в 1734 году, после кончины польского короля Августа II, помешала Франции возвести на престол Станислава Лещинского — зятя Людовика XV. Королем, как того пожелали Австрия и Россия, избрали Августа III, сына умершего короля. Польшу наводнили саксонские и русские войска. Лещинский бежал в Пруссию. Версаль прервал отношения с Россией.

Теперь же, по истечении пяти лет, ситуация менялась. Втянутая Австрией в ненужную ей войну с Турцией, Россия искала возможности благополучно закончить ее и неожиданно нашла посредника в лице Франции. Ее посланник в Константинополе маркиз де Вильнев принялся хлопотать о заключении мира. Переговоры шли успешно. (Нужно заметить, Вильнев был одновременно полномочным министром трех дворов: французского, венского и петербургского, и давно уже пользовался таким большим доверием и влиянием в Константинополе, что в данном

случае руководил всем.) Петербургский двор в благодарность за услугу отправил маркизу де Вильневу Андреевский орден, украшенный алмазами, стоимостью в семь тысяч рублей, и, наконец, оба двора решились возобновить дипломатические отношения. Анна Иоанновна назначила посланником во Францию князя Антиоха Кантемира, а Людовик XV приказал французскому министру при берлинском дворе маркизу де ла Шетарди отправиться в Петербург.

Маркизу шел тридцать пятый год. Красивый, остроумный, в меру любезный, искусный мастер интриги, он слыл опытным дипломатом и весьма нравился женщинам. Впрочем, находились и такие, что не теряли от него голову. К примеру, герцогиня Луиза-Доротея. В 1742 году она в письме к своему знакомому так описывала маркиза: «...я нахожу его довольно рассудительным для француза. Он уклончив, весел, красноречив, всегда говорит изящно и изысканно. Короче — это единственный из знакомых мне французов, которого нахожу я более сносным и занимательным. Но вместе с тем он показался мне похожим на хороший старый рейнвейн: вино это никогда не теряет усвоенного им от почвы вкуса и в то же время, по отзыву пьющих его в некотором количестве, отягчает голову и потом надоедает. То же самое и с нашим маркизом: у него бездна приятных и прекрасных качеств, но чем долее, тем более чувствуешь, что к ним примешана частица этой врожденной заносчивости, которая почти никогда не покидает француза, какого бы ни был он звания и возраста».

Его эминенция — кардинал Флери, державший в то время бразды правления во Франции, имел свой, особый, взгляд на молодого министра, и выбор его пал на маркиза де ла Шетарди не случайно. Еще в 1734 году, во времена варшавского скандала, он отметил дипломата, благодаря которому прусский король предоставил неудачливому претенденту на польский престол Лещинскому убежище и тем спас его от угрожающей опасности. Французский

министр в Берлине, пуская в ход все пружины, мешая правду и ложь, сумел, победив своих тайных врагов, запутать прусского короля в дела Севера. Кроме того, кардинал Флери (тесно связанный с иезуитами) был своевременно осведомлен о чрезвычайной благосклонности наследного принца прусского Фридриха II к маркизу, и одно время, не без оснований, считали, что он возьмет его к себе в министры. Прусский двор был тесно связан с Петербургом и о положении дел в России маркиз де ла Шетарди знал не понаслышке. Именно поэтому кардинал Флери настоял на кандидатуре маркиза. Впрочем, были и другие причины столь важного назначения, но о том позже.

Маркизу приказано было ехать к новому месту с чрезвычайным поспешением, но на пути он остановился в Берлине, как пишут, дабы похвастаться блеском, которым намеревался ослепить Петербург и позлить тем самым своих берлинских врагов. Тщеславие ли руководило действиями посла или какие другие мотивы, судить трудно, но задержку в пути отметим.

Конечно, было, было чем похвастать новому министру при российском дворе. Двенадцать кавалеров в свите, секретарь, восемь капелланов, шесть поваров под главным руководством знаменитого Барридо, первого, по отзыву современников, знатока в деле хорошо поесть, пятьдесят пажей, камердинеров и ливрейных слуг. Самые великолепные и самым лучшим образом исполненные из виданных когда-либо в России платья. В тщательно укупороенных ящиках везлось сто тысяч бутылок тонких французских вин.

— Мы еще покажем русским во всех отношениях, что значит Франция, — говорил маркиз де ла Шетарди.

Меж тем, 18 сентября был заключен Белградский мир. 23 сентября прусский король дал маркизу аудиенцию в Потсдаме и пригласил к себе на обед. За столом шел оживленный разговор. Прямодушного и прямолинейного старого короля интересовала придворная жизнь Людо-

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 5

Книга первая. ОТЕЦ И СЫН 11

Книга вторая. ВНУК ГОСУДАРЯ 181

Книга третья. БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛ 339

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**